

Чэнь Цзэмянь облизнул пересохшие губы и снова закрыл рот.

Лу Чжоань приподнял бровь:

— Почему замолчал?

— Господин Лу, — осторожно спросил Чэнь Цзэмянь, — вы считаете, что потеря памяти после выпивки — это смешно?

Лу Чжоань не ответил.

По шее Чэнь Цзэмяня пробежал холодок, волосы встали дыбом.

— Тогда... я пойду домой, обдумаю всё спокойно. Может, через пару дней мне полегчает.

Молчание.

Лу Чжоань просто смотрел — спокойно, без выражения, но этот взгляд давил сильнее любого слова.

Чэнь Цзэмянь чувствовал себя кроликом, на которого смотрит питон.

— Доброй ночи, господин Лу. До свидания, господин Лу! — пробормотал он и, не дожидаясь реакции, юркнул в сторону, обходя мужчину.

Не успел сделать и трёх шагов — из-за спины Лу Чжоаня вышли четверо телохранителей и выстроились стеной, перекрыв проход.

Ещё четверо появились сбоку, сомкнув кольцо.

Восемь крупных, широкоплечих мужчин стояли неподвижно, но одного их присутствия хватало, чтобы атмосфера в коридоре стала тяжёлой.

Лицо Чэнь Цзэмяня оставалось спокойным, но взгляд уже бегал, оценивая пути отхода.

Старший охранник вопросительно посмотрел на Лу Чжоаня протягивая тому перчатки.

Тот принял протянутые перчатки и неторопливо надел их.

Чёрная кожа плотно облегла длинные пальцы, мягкий ягнёнок мерцал в свете ламп тёплым блеском.

Чэнь Цзэмянь рефлекторно сделал шаг назад, чувствуя опасность.

В оригинальном тексте это был знаковый жест.

Перед тем как действовать самому, Лу Чжоань — страдающий от сильной мизофобии — всегда надевал перчатки.

Этот жест олицетворял холодную сдержанность, но под ней всегда скрывалось предчувствие насилия.

Именно этот контраст — спокойствие и угроза — заставлял читателей замирать в ожидании.

Он не кричал, не ругался — просто надевал перчатки, а через минуту стоял над жертвой, оставляя ту в крови, сам безупречно чистый, будто всё это не имело к нему отношения.

Но из-за статуса Лу Чжоань редко марал руки сам.

Такие сцены случались только тогда, когда кто-то переступал его принципы.

А сейчас он надел перчатки.

Чэнь Цзэмянь в ужасе моргнул.

Что? За что?

«Я ведь ничего не сделал!»

Он мысленно нажал Ctrl+Z, откатывая действия на пару минут назад.

«Может, я просто неудачно пошутил?»

Лу Чжоань, похоже, уловил его панику и спокойно произнёс:

— Думаешь, я позволю тебе уйти?

Зрачки Чэнь Цзэмяня сузились. Он рванулся прочь.

Рука Лу Чжоаня схватила его за шиворот.

Чэнь Цзэмянь не стал церемониться — обеими руками ухватился за подол рубашки, намереваясь просто вывернуться из одежды.

Ткань поднялась, открыв тонкую талию и бледную кожу.

Лу Чжоань дёрнул его за воротник, притянул обратно и перехватил запястье.

Чэнь Цзэмянь резко повернул голову, пытаясь выскользнуть из захвата, но Лу Чжоань зажал его кисть и резко опустил, прижав ладонь к себе.

— Чэнь Чжэ, — тихо позвал он.

Чэнь Цзэмянь расслабился, тяжело выдохнул:

— Я хочу уйти. Вы не имеете права меня удерживать.

— Возможно, и не имею, — холодно ответил Лу Чжоань. — Но ведь ты не посмеешь ударить меня, верно?

Он внезапно потянул Чэнь Цзэмяня ближе.

— Значит, выбора у тебя нет.

Телохранители не могли справиться с ним — Лу Чжоань понимал это.

Он вмешался не потому, что сильнее, а потому, что знал: Чэнь Цзэмянь не осмелится тронуть его и пальцем.

В глазах Чэнь Цзэмяня мелькнуло недоверие.

Вот это логика. Настоящий аристократ...

— Вы точно Лу Чжоань? — не выдержал он, когда его силком втащили в машину.

В оригинале главный герой никогда не опускался до таких приёмов. Гордость, достоинство, холодное превосходство — где всё это теперь?

Лу Чжоань сидел прямо, безупречно спокойный.

— Хочешь, покажу своё удостоверение?

— Не надо, — устало ответил Чэнь Цзэмянь, откинувшись на сиденье. — Куда вы меня везёте?

— В больницу, — просто сказал Лу Чжоань. — Кажется, ты говорил, что у тебя амнезия от сотрясения. Проверимся.

В глазах Чэнь Цзэмяня мелькнула надежда:

— А если окажется, что всё в порядке — я смогу уйти?

— Если всё в порядке, — Лу Чжоань бросил на него взгляд, — значит, память ты не терял. Тогда тем более не уйдешь.

— А если всё-таки её нет?

— Тогда будем искать, пока не найдём. Для твоей же безопасности ты побудешь под наблюдением.

«Под наблюдением» — это он так называет арест?

— Вы ограничиваете мою личную свободу, — тихо заметил Чэнь Цзэмянь. — Это незаконно.

— Тогда позвони в полицию, — невозмутимо ответил Лу Чжоань.

— ...

Чэнь Цзэмянь не знал, смеяться ему или плакать.

«Это точно тот самый Лу Чжоань? Почему он ведёт себя как капризный демонюга?»

Характер вроде бы изменился, а внешность — нет.

Те же светлые, строгие брови, прямой нос.

Тёплый оранжевый свет падал на молодое лицо, подчёркивая идеальные линии скул и подбородка.

Красив, но холоден. Меж бровей — врождённая гордость и чувство власти.

Кажется, даже моложе, чем в книге.

В машине пахло свежестью. Ни запаха бензина, ни кожи, ни тяжёлых ароматов духов или парфюмов — всё стерильно и свежо.

После выпивки Чэнь Цзэмянь обычно страдал от тошноты, но сейчас — нет.

Поездка шла мягко, мотор ровно гудел, и это убаюкивало.

Он опёрся локтем о стекло и посмотрел в отражение на Лу Чжоаня — и сам не заметил, как задремал.

Лу Чжоань повернул голову. Перед ним спал Чэнь Цзэмянь. Лу Чжоань слушал лишь его спокойное дыхание.

Интересный...

Через полчаса машина въехала на территорию частной клиники, принадлежащей семье Лу.

Достаточно было предупредить за минуту до приезда, и весь персонал уже был на взводе: молодой господин прибыл.

Машина остановилась у входа в отделение неотложной помощи.

Лёгкий толчок — и Чэнь Цзэмянь открыл глаза.

Перед входом стояло под 20 врачей и медсестёр в белых халатах. Если не знать всех обстоятельств, можно было бы подумать, что пришли экстренно спасать умирающего.

Водитель открыл дверь, а несколько медсестёр тут же подбежали и помогли Чэнь Цзэмяню перелечь на каталку.

— Я сам! — пытался возразить он. — Я могу идти!

Но его уже закатили в холл, и начался кошмар: кровь, томограф, МРТ и ещё с десятков различных анализов — казалось, не хватало только проколоть череп, чтобы проверить мозг на прочность.

— Повреждение мозговых оболочек проявляется снижением интеллекта, — спокойно произнёс

за стеклом знакомый голос. — Сделайте пункцию.

Голос Лу Чжоаня прозвучал тихо, почти лениво, но врачи мигом зашевелились.

— Ложитесь на бок, согните шею, — сказала медсестра.

В её руке блеснула длинная серебристая игла — не меньше двенадцати сантиметров, толстая, с чёрной шкалой делений.

Свет лампы заскользил по острому кончику.

Чэнь Цзэмянь от ужаса протрезвел мгновенно.

Анализы, рентген — ладно. Но спинномозговая пункция?!

Он соскочил с каталки и закричал:

— Лу Чжоань! Лу Чжоань!

Тот не ответил.

Чэнь Цзэмянь выкрикнул имя ещё раз, потом третий — только тогда дверь открылась, и Лу Чжоань вошёл в палату.

— Что случилось? — спокойно спросил он.

Преодолев нерешительность, Чэнь Цзэмянь вцепился в рукав Лу Чжоаня с отчаянной точностью и почти умоляюще выдохнул:

— Я был неправ, господин Лу. Пожалуйста, не забирайте у меня спинномозговую жидкость. Это же больно.

В глазах Лу Чжоаня мелькнула едва заметная улыбка.

— Что случилось?

— Всё, — быстро ответил Чэнь Цзэмянь. — Всё случилось. Я правда здоров, не надо меня проверять.

Лу Чжоань опустил взгляд и с лёгкой насмешкой произнёс:

— Теперь ты просишь. А я-то думал, тебе хватит храбрости дождаться хотя бы гастроскопии или бронхоскопии, прежде чем признаешься.

Гастроскопия, колоноскопия, бронхоскопия — он использует это как угрозу? Этот человек и есть сам дьявол.

Трахея — нежный орган. Даже если просто захлебнуться водой, кашель не прекращается несколько минут. А представить, что в тебя засовывают трубку... Это чувство удушья, боли, безысходности — будто тонешь, не имея возможности выдохнуть.

Немногие способны сохранить спокойствие перед такой пыткой.

Чэнь Цзэмянь моментально сдался.

Он крепче сжал ткань рукава, словно хватался за последнюю соломинку, и покорно произнёс:

— У меня нет ни капли гордости. Я честный до мозга костей.

Лу Чжоань бросил взгляд на место, где тот его держал.

— Отпусти.

Чэнь Цзэмянь тут же вспомнил про его мизофобию — отдёргнул руку и вытащил из тележки салфетку со спиртом, тщательно протёр место касания.

Лу Чжоань удовлетворённо кивнул.

Внутри же Чэнь Цзэмянь сжал кулаки.

Не недооценивай этого бедолагу, Лу Чжоань. Придёт день, и я растопчу твою самодовольную улыбку.

Но пока он смог только заставить себя опустить взгляд и сделать вид, что смирился.

Его покорность и беззащитность почему-то пробудили в Лу Чжоане странное чувство — не раздражение, а интерес.

Редкое, хищное, искрящееся азартом.

Он чувствовал нечто, чего давно не испытывал. Почти восторг.

С самого рождения Лу Чжоань получал всё без усилий.

Он был умен, красив, богат — судьба словно сама расстилала перед ним дорогу.

Но когда всё даётся легко, жизнь становится пресной.

Бесперебойная череда успехов, богатство, положение — всё это походило на безупречную придворную симфонию: великолепную, ослепительную, но без ритмических всплесков, без страсти.

День сменял день, и всё повторялось.

Будущее угадывалось наперёд, как следующий такт привычной мелодии.

И вдруг — в привычный строй ворвался фальшивый, но живой аккорд.

Этот вечер, этот человек перед ним — всё выбивалось из ритма.

Он понимал, что должен вернуть порядок, поставить границы, остудить пыл и держаться на расстоянии.

Но Чэнь Чжэ перед ним был слишком живым.

Слишком настоящим.

Даже только что, когда тот бледный, испуганный, в панике звал его по имени и хватался за рукав, — в этот миг Лу Чжоань испытал удовольствие.

Оно было сильнее, чем от прыжка с парашютом или затяжного погружения под воду.

Он всегда считал себя человеком с моралью и принципами, стоящим выше простых грубых удовольствий.

Если бы счастье измерялось чужими унижениями, он стал бы хулиганом ещё в средней школе.

Так почему же, стоило ему подразнить этого человека — сердце словно ожило?

Почему именно Чэнь Чжэ? Почему не кто-то другой?

Лу Чжоань немного подумал и нашёл простое объяснение.

Дело, конечно же, не в нём самом.

Это всё — вина Чэнь Чжэ.

Переводчик и редактор: Mart Propaganda.

<http://bllate.org/book/14753/1316840>